

Пролог

Пламя свечи едва теплилось, не в силах разогнать тьму пустынных комнат. Маттиасу Маршаллу, графу Колчестерскому, казалось, что огромный особняк вобрал в себя всю черноту ночи и походил на гробницу, где вольготно живет духам.

Полы длинного черного пальто Маттиаса задевали о забрызганные грязью ботинки, когда он поднимался по лестнице. Он приподнял свечу повыше, чтобы лучше осветить себе путь. Несколькими минутами раньше, когда он прибыл, никто не встретил и не поприветствовал его у двери, поэтому он вошел в темный пустынный зал. Было ясно, что слуг поблизости нет — ни горничной, ни лакея. О своей лошади он вынужден был позаботиться также сам, поскольку ни один конюх из конюшни не появился.

На верхней площадке лестницы граф остановился и оглянулся вниз на темноту, окутывавшую вестибюль.

Маттиас двинулся по мрачному коридору, дошел до первой двери слева, остановился перед ней и повернул ручку. Раздался жалобный скрип, и дверь открылась. Маттиас поднял свечу над головой и оглядел спальню.

Комната удивительно напоминала склеп.

В центре ее находился древний каменный саркофаг. Маттиас бросил взгляд на резной ор-

намент и надписи на саркофаге. Латинские, подумал он. Весьма обычные.

Он подошел к открытому гробу, установленному за прозрачной черной портьерой. При свете свечи можно было рассмотреть черные бархатные подушечки, выстилавшие изнутри саркофаг.

Маттиас поставил свечу на стол, стянул с себя перчатки для верховой езды, бросил их в сторону, затем сел на край гроба и снял ботинки.

После этого, запахнув полы своего пальто, улегся на черные подушечки внутри саркофага.

Близился рассвет, но Маттиас знал, что тяжелые шторы на окнах не позволят лучам восходящего солнца заглянуть в комнату.

Кто-нибудь другой, возможно, испытал бы дискомфорт и не смог заснуть в столь мрачном месте, но только не Маттиас. Он привык к обществу духов.

Перед тем как закрыть глаза, Маттиас снова задал себе вопрос, почему он откликнулся на зов, исходящий от таинственной Имоджен Уотерстоун. Но он знал ответ на этот вопрос. Давным-давно он дал клятву. Его слово было для него законом.

Маттиас всегда выполнял обещания. Лишь это и поддерживало в нем уверенность в том, что он сам не превратится в дух.

Глава 1

Маттиаса разбудил леденящий душу женский крик. Второй женский голос, сочный, словно зеленое яблоко древнего Замара, прервал этот крик ужаса.

— Господи, Бесс, — увещевал этот голос, — ну можно ли так визжать при виде какой-то паутины? Это страшно раздражает. У меня большие планы на сегодняшнее утро, но я не смогу их выполнить, если ты будешь вопить по всякому поводу.

Маттиас открыл глаза, потянулся и медленно сел в саркофаге. Он повернул голову в сторону открытой двери и увидел лежащую в обмороке молодую горничную. Солнечный свет позади нее позволил Маттиасу заключить, что время близится к полудню. Он провел пальцами по волосам и пощупал щетину на подбородке. Неудивительно, что он так напугал горничную.

— Бесс! — Снова звук хрустящего яблока в голосе. Легкие шаги в коридоре. — Бесс, что там стряслось с тобой?

Опершись одной рукой о край каменного гроба, Маттиас с интересом смотрел на появившуюся в дверном проеме женщину, которая его не замечала — ее внимание было обращено на упавшую в обморок горничную.

Нельзя было усомниться в том, что вторая женщина была леди. Длинный фартук поверх

платья из прочного серого бомбазина не мог замаскировать элегантность ее фигуры и изящную округлость грудей. Разворот ее плеч, вся ее осанка свидетельствовали о том, что от предков многих поколений ей передалось самоуважение и чувство гордости.

Маттиас все с большим интересом наблюдал за леди, хлопотавшей возле горничной. Его взгляд строго и последовательно изучал все части и формы ее тела, как если бы Маттиас составлял описание новонайденной замарской статуи.

Очевидно, за утренним туалетом леди весьма добросовестно попыталась упрятать пышную массу каштановых с рыжеватым отливом волос под маленькую белоснежную шапочку. Однако некоторым завиткам удалось избежать заточения, и они покачивались возле тонкого миловидного лица. Хотя Маттиас не мог видеть лицо анфас, он отметил высокие скулы, длинные ресницы и прямой, придававший хозяйке некоторую надменность нос.

«Интересное, выразительное лицо, — заключил он. — И оно явно отражало благородство души».

Ее нельзя было назвать слишком юной и отнести к числу тех, кто только что окончил школу; с другой стороны, она не была столь древней, как он сам. Вообще-то ему было тридцать четыре года, но он испытывал такое чувство, что ему несколько столетий. Маттиас прикинул, что Имоджен должно быть лет двадцать пять.

Он видел, как она уронила на ковер журнал в кожаном переплете и опустила на колени перед горничной. Обручального кольца у нее на руке не было. Этот факт почему-то его порадовал. Он подумал, что ее громкий голос и властные манеры сыграли свою роль в том, что она осталась старой девой.

Конечно, это дело вкуса. Большинство приятелей Маттиаса отдают предпочтение меду и шоколаду. Он же предпочитал на закуску нечто более прyanое.

— Бесс, довольно!.. Открывай глаза сейчас же! Ты слышишь меня? — Имоджен извлекла флакон с нюхательной солью и сунула его под нос горничной. — Мне страшно надоели твои визги и обмороки всякий раз, как только ты открываешь двери в этом доме! Я предупреждала тебя, что мой дядя был человек необычный и что мы наверняка будем наткаться на весьма непривычные предметы, когда станем проводить инвентаризацию.

Бесс застонала и, лежа на ковре, повернула голову. Однако глаза она так и не открыла.

— Я видела это, мэ-эм... Я могу поклясться на могиле матери...

— Что ты видела, Бесс?

— Привидение... А может, это вампир... Точно не знаю.

— Глупости! — возразила Имоджен.

— Что за причина такого душераздирающего крика? — послышался с верхней площадки лестницы голос еще одной женщины.

— Бесс упала в обморок, тетя Горация. Честное слово, это уж слишком!

— Бесс? На нее не похоже. — Маттиас услышал шаги, предвещающие появление женщины, которую Имоджен назвала тетей Горацией. — Бесс уравновешенная девушка... И нисколько не склонна падать в обмороки.

— Если она не упала в обморок, то в таком случае великолепно изображает из себя леди, у которой нервный припадок.

Ресницы Бесс вздрогнули.

— Ой, мисс Имоджен, это был какой-то кошмар... Тело в каменном гробу... И вдруг оно зашевелилось.

— Не смей меня, Бесс!

— Но я видела его! — Бесс снова застонала, подняла голову и направила взгляд мимо Имоджен в сторону затененной части спальни.

Маттиас поморщился, когда горничная встретила с его взглядом, вновь закричала и снова откинулась на ковер с грацией выброшенной на берег рыбы.

В проеме двери появилась третья женщина. Она была одета по-рабочему, как и Имоджен: простое платье, фартук и шапочка. Она была на дюйм-другой ниже Имоджен и значительно шире в талии и бедрах. Седеющие волосы ее были заколоты и прикрыты шапочкой. Она внимательно посмотрела через очки на Бесс.

— Что за дьявольщина? Что могло так подействовать на Бесс?

— Не имею понятия, — ответила Имоджен, снова поднося нюхательную соль к носу горничной. — У нее слишком живое воображение.

— Я предупредила тебя, что опасно обучать ее чтению.

— Я это помню, тетя Горация, но я не могу выносить, когда человек со светлой головой совершенно необразован.

— Ты в точности как твои родители. — Горация покачала головой. — От нее мало будет проку, если она станет вздрагивать, увидев какую-то необычную вещь в этом доме. В коллекции моего брата много разных диких вещей, при виде которых можно упасть в обморок.

— Чепуха! Я признаю, что коллекция дяди Селвина мрачновата, но по-своему весьма интересна.

— Этот дом — своего рода мавзолеей, и ты это хорошо знаешь, — сказала Горация. — Возможно, Бесс следует отправиться опять вниз. Это была спальня Селвина. Ее, наверно, напугал вид саркофага... Почему мой брат любил спать в этом древнеримском гробу — выше моего понимания.

— Очень необычная кровать.

— Необычная? Да у любого нормального человека от этого начнутся кошмары! — Горация повернулась, чтобы бросить взгляд на темную половину спальни.

Маттиас решил, что пришло время подняться из гроба. Он перешагнул через край саркофага, раздвинул тонкую черную драпировку и запахнул пальто, чтобы скрыть мятые брюки и рубашку, в которых спал. Маттиас обреченно наблюдал за тем, как испуганные глаза Горации расширились до невероятных размеров.

— Боже милостивый, Бесс была права! — на высокой ноте произнесла Горация. — И в самом деле в гробу Селвина кто-то есть! — Она попятилась. — Беги, Имоджен, беги!

Имоджен резко поднялась на ноги.

— Неужто еще и ты, тетя Горация! — Она повернулась и стала вглядываться в затемненную половину спальни. Когда она увидела стоящего перед гробом Маттиаса, ее рот открылся сам собой.

— Боже мой! Там кто-то есть.

— Я вам говорила, мэм, — хриплым шепотом сказала Бесс.

Маттиас с любопытством ожидал, что сделает Имоджен — закричит или упадет в обморок.

Она не сделала ни то ни другое. С явным неодобрением она прищурила глаза.

— Кто вы такой, сэр, и почему вы вздумали пугать мою тетушку и горничную?

— Вампир, — пробормотала Бесс. — Я слышала о них, мэм. Они пьют кровь, бегите... Бегите, пока не поздно... Спасайтесь...

— Вампиров не существует, — заявила Имоджен, не удастая перепуганную девушку даже взглядом.

— Тогда привидение... Спасайтесь, мэм.

— Она права. — Горация потянула Имоджен за рукав. — Нам нужно уходить отсюда.

— Не будьте смешной. — Имоджен подошла поближе и уставилась на Маттиаса: — Так что

же, сэр? Что вы можете сказать? Не молчите, иначе я позову местного магистрата, и он закует вас в кандалы.

Маттиас медленным шагом направился к ней, не сводя взгляда с ее лица. Она не отступила. Более того, она подбоченилась и стала стучать носком полуботинка об пол.

Он пережил непонятное, но в то же время явное и волнующее чувство узнавания. *Невероятно*. Но когда он подошел к ней настолько близко, чтобы рассмотреть огромные, удивительно ясные голубовато-зеленые глаза — глаза цвета моря, окружавшего затерянный остров королевства Замар, он внезапно понял. По какой-то непонятной, необъяснимой причине она заставила его вспомнить Анизамару, легендарную замарскую богиню Дня, которая занимала ведущее место в фольклоре и искусстве древнего Замара. Она воплощала в себе тепло, жизнь, истину, энергию. По силе и мощи ей был равен лишь Замарис — бог Ночи. Только Замарис мог укротить ее беспокойный дух.

— Добрый день, мадам. — Маттиас заставил себя отбросить несвоевременные мысли. Он наклонил голову: — Я Колчестер.

— Колчестер? — Горация сделала еще шаг назад и прислонилась к стене. Она перевела взгляд на его волосы, сглотнула комок в горле. — Тот самый? Безжалостный Колчестер?

Маттиас знал, что она смотрит на снежно-белую прядь, которая резко контрастировала с его черной шелковой. Многие люди именно по ней узнавали его. Уже в течение четырех поколений белая прядь была отличительным признаком всех представителей его рода.

— Я сказал, что я Колчестер, мадам.

Он был еще виконтом, когда получил прозвище Безжалостный.

— Что вы делаете в Аппер-Стиклфорде, сэр? —

10 сурово спросила Горация.

— Он здесь, потому что я послала за ним. — Имоджен одарила его ослепительной улыбкой. — Должна сказать, вам уж давно пора было приехать, милорд. Я отправила послание более месяца назад. Что вас так задержало?

— Мой отец умер несколько месяцев назад, но я с опозданием приехал в Англию, а потом вынужден был решить ряд вопросов, связанных с его именем.

— Да, конечно. — Имоджен была явно смущена. — Простите меня, милорд. Приношу вам свои соболезнования...

— Благодарю вас, — сказал Маттиас. — Но мы не были с ним особенно близки... В доме найдется что-нибудь поесть? Я умираю от голода.

Серебристая прядь среди черных как ночь волос — это было первое, что Имоджен заметила в графе Колчестере. Казалось, прядь горела холодным белым пламенем на фоне длинной, вышедшей из моды черной гривы.

Затем она обратила внимание на его взгляд. Он казался еще холоднее.

Четвертый граф Колчестер производит сильное впечатление, подумала она, приглашая его сесть в кресло в библиотеке. Он был бы просто неотразим, если бы не эти глаза. Они светились на суровом, аскетичном лице бесстрастным, безжизненным светом и, казалось, принадлежали умному и весьма опасному духу.

Во всех остальных отношениях Колчестер выглядел точно так, как Имоджен и представляла себе. Его блестящие статьи в «Замариан ревю» вполне отразили и его интеллект, и характер, сформировавшийся за годы нелегких путешествий в неведомые страны.

Человек, который способен спокойно переспать в саркофаге, должен обладать поистине железными нервами. Что как раз и требуется, с энтузиазмом отметила про себя Имоджен.

— Позвольте, милорд, все же представиться как подобает и представить вам мою тетю. — Она взяла чайник, собираясь разлить чай. Возбужденная присутствием Колчестера, она с трудом сдерживала эмоции. Ей вдруг захотелось рассказать правду, раскрыть свое инкогнито. Но осторожность взяла верх. Она не могла с уверенностью сказать, какова будет его реакция, а ведь в настоящий момент ей было очень важно, чтобы он согласился с ней сотрудничать.

— Как вы уже, по всей видимости, поняли, я Имоджен Уотерстоун. Это миссис Горация Элибанк, сестра моего покойного дяди. Она недавно овдовела и любезно согласилась стать моим компаньоном.

— Миссис Элибанк, — кивнул Маттиас.

— Ваша светлость. — Горация, напряженно сидя на краешке стула, метнула смущенный, неодобрительный взгляд на Имоджен.

Имоджен нахмурилась. Теперь, когда первоначальный испуг и формальности представления были позади, у Горации не было никаких оснований оставаться столь напряженной и встревоженной. В конце концов, Колчестер — граф. Еще более важно, по крайней мере для Имоджен, что это был Колчестер Замарский — прославленный первооткрыватель древнего, давным-давно забытого островного королевства, основатель Замарского института и престижного журнала «Замариан ревью», попечитель Замарского общества. Даже в соответствии с весьма высокими стандартами Горации он заслуживает неординарного приема.

Если говорить об Имоджен, то самое большее, на что она была сейчас способна, это не пялить на него глаза. Она все еще не могла до конца поверить, что Колчестер Замарский сидит в ее библиотеке и пьет чай,

«Но в нем не так уж много от простого смертного», — подумала она.

Высокий, поджарый и отлично сложенный, Колчестер отличался мускулистой, мужской грацией. Годы, проведенные в нелегких путешествиях и поисках Замара, без всякого сомнения, сделали свое дело и помогли сформироваться этой вызывающей восхищение фигуре.

Она решила напомнить себе, что подобными мышцами и силой отличается не один Колчестер. Она видела многих мускулистых мужчин. В конце концов, она жила в деревне. Большинство из ее соседок были фермеры, которые трудились на своих полях; у многих из них были широкие плечи и крепкие ноги. Она знает примеры мужской красоты. Взять, например, Филиппа Д'Артуа, ее учителя танцев. Филипп грацией напоминал летящую птицу. Или, например, Аластера Дрейка. Атлетически сложенный красавец, которому не требовались ухищрения портного, чтобы люди могли оценить красоту его телосложения.

Но Колчестер отличался от этих мужчин как ночь от дня. Впечатление исходившей от него силы создавали отнюдь не его могучие плечи и бедра. Это была некая внутренняя сила, сродни несгибаемой стали. Сила воли, которую, казалось, можно было даже пощупать.

И еще в нем ощущалась необыкновенная цепкость, которую, пожалуй, можно было сравнить с цепкостью хищника, выжидающего свою жертву. Иможден подумала, как же долго он ждал своего звездного часа, когда наконец-то раскрыл тайну лабиринта города Замара и отыскал погребенную под руинами библиотеку. Она была бы готова продать собственную душу, чтобы оказаться рядом с ним в тот памятный день.

Колчестер повернул в ее сторону голову и бросил испытующий и одновременно слегка удивленный взгляд. Создалось впечатление, что он прочитал

ее мысли. Имоджен почувствовала, что ее накрыла волна тепла, отчего стало как-то не по себе. Чайная чашка, которую она придерживала рукой, зазвенела о блюде.

В библиотеке было темно и прохладно, и Колчестер предусмотрительно затопил камин. В комнате, загроможденной разнообразными, порой причудливыми предметами, относящимися к обряду погребения, скоро должно потеплеть.

Когда Бесс уверили, что Колчестер никакой не вампир и не дух, и девушка окончательно пришла в себя, она отправилась на кухню приготовить чай и холодную закуску. Завтрак состоял из остатков кулебяки с семгой, пудинга и кусочка ветчины, но Колчестер, похоже, был этим вполне удовлетворен.

Имоджен оставалось лишь надеяться, что он будет удовлетворен. Еду привезли для женщин, занятых составлением каталога коллекции Селвина Уотерстоуна, рано утром в плетеной корзине. При виде того, как Колчестер отдает должное еде, Имоджен усомнилась в том, что Горации, Бесс и ей что-либо достанется.

— Я весьма рад с вами познакомиться, — сказал Маттиас.

Имоджен внезапно осознала, что звук его голоса оказывает на нее какой-то странный эффект. В нем ощущалась непонятная, неуловимая сила, которая грозила подчинить ее. Она невольно подумала о таинственных морях и неведомых землях.

— Еще чаю, милорд? — быстро спросила она.

— Благодарю вас. — Его длинные, красивые пальцы коснулись ее пальцев, когда он принимал чашку.

Удивительное ощущение испытала Имоджен, когда Колчестер коснулся ее. Оно распространилось по всей руке. Ее коже стало тепло, словно она оказалась слишком близко к огню. Имоджен поспешно опустила чайник, опасаясь уронить его.

— Весьма сожалею, что вас никто не встретил, когда вы прибыли вчера вечером, сэ, — сказала она. — Я отправила слуг по домам на несколько дней, пока мы с тетей проводим инвентаризацию. — Она внезапно нахмурилась, словно ей в голову пришла неожиданная мысль. — Я абсолютно уверена в том, что приглашала вас в коттедж Уотерстоуна, а не в поместье.

— Да, наверно, это так, — спокойно согласился Маттиас. — Но в вашем письме было так много инструкций, что кое-что я мог перепутать.

Горация метнула взгляд на Имоджен:

— Письмо? Какое письмо? Честное слово, Имоджен, я ничего не понимаю.

— Я все объясню, — заверила Имоджен свою тетушку. Она настороженно посмотрела на Маттиаса. В его глазах явно читалась ирония. Это задело ее за живое. — Милорд, я не нахожу ничего смешного в тексте письма.

— И я не нашел ничего смешного вчера вечером, — заметил Маттиас. — Время было позднее. Шел дождь. Лошадь моя была измотана. Поэтому я не счел нужным тратить время на розыски маленького коттеджа, когда в моем распоряжении находился весь этот огромный дом.

— Понятно. — Имоджен вежливо улыбнулась. — Должна сказать, что выглядите вы вполне спокойным и невозмутимым, хотя и проспали всю ночь в саркофаге. Мы с тетей всегда говорили, что представление дяди Селвина о том, какой должна быть кровать, не всем по вкусу.

— Мне приходилось спать в местах и похуже. — Маттиас взял последний ломтик ветчины и оглядел комнату. — Я слышал настоящие легенды о коллекции Селвина Уотерстоуна. На самом деле здесь, пожалуй, увидишь даже больше неожиданного, чем говорят.

Горация встревоженно взглянула на Маттиаса поверх очков: